

Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ

СТРАСТИ ОТ СОНЕЧКИ

Монодрама З. Сагалова по мотивам романа
«Преступление и наказание»

Музыка Бориса Киселева
Текст песен Зиновия Сагалова

1.

*В темноте мерно и мощно бьют колокола.
Сцена освещается. В центре ее двери ,обтянутые старой рогожей.
Слева на авансцене сидит ,как на паперти, поджав ноги НИЩИЙ в
лохмотьях и черных очках. Перед ним железная мисочка для подаяния. В
руках гармошка.
Колокольный звон смолкает. Вступает песня.*

НИЩИЙ. Я люблю твои песни, шарманка,
Слушать в вечер холодный, сырой.
У прохожих зеленые лица,
И на плечи их падает снег.

Люди, станьте к шарманщику ближе,
Где блистают сквозь газ фонари.
Снег сегодня – послание Неба,
И об этом шарманка поет.

*В глубине сцены появилась Женщина в пальто и шляпке. Лицо ее скрыто
вуалью, в руках небольшой букетик роз, который она держит небрежно, как
веник. Подходит мимо НИЩЕГО, остановилась. Вынула из
ридикюля несколько монеток, бросила в мисочку.*

*Свет с НИЩЕГО переносится .на правый портал, у которого стоит
стол, накрытый клеенкой ,на нем свеча. А на авансцене садовая скамейка.
Женщина кладет букет на стол. Вешает пальто и шляпку, снимает
вуаль. Это СОНЯ МАРМЕЛАДОВА.
Тикают часы . СОНЯ зажгла свечу. Подошла к зеркалу, стирает с лица
следы помады .Закрывает уставшее лицо ладонями .Задумалась.*

СОНЯ. Был поздний вечер. Я только пришла ...с улицы. Озябшая,
голова раскалывалась от вина, все на свете было противно....

*Взгляд ее падает на букет. Схватила его и со злом бросила на пол.
Стук дверь.*

(Настороженно). Кто бы это мог быть? Я взяла свечу и пошла открывать.

Открывает дверь. Отступает.

Боже! Я сначала его не узнала. Бледный, страшный... Он дрожал всем телом...

-Что вами?

-- Ничего, Соня,-сказал он.- Не пугайся... Пришел попрощаться с тобой... навсегда.

-- Навсегда?..

--И сказать тебе...только тебе - о том деле.

Я догадывалась, о чем он говорит, вся замерла.

-Нашли, что ли, убийцу? Говорите же, Родион Романович!

-Нет, не нашли.

-Так что же вы про это знаете?

-Знаю, Соня, знаю, кто убил. Процентщицу Алену Ивановну и ее сестрицу. Разреши присесть.

СОНЯ ставит свечу на стол и садится.

-Как же вы про это знаете, если убийцу не нашли?

-Угадай,- сказал он и хрипло засмеялся.

-Да вы меня...что же вы ...так пугаете?

Улыбнулась – доверчиво, как ребенок.

-- А я с ним...с этим злодеем... приятель большой... Соня...потому и знаю. Но Лизавету, приятельницу твою, он убить не хотел... поверь. Он ее... нечаянно...

--Нечаянно? Как так можно – убить нечаянно?

- Ему старуху убить надо было... А тут вошла Лизавета... И ее пришлось... Чтоб концы запрягать.

Пауза.

-*(Шепотом)* Кто же он? Убийца?

-- Погляди-ка хорошенько, Соня.

Он взял свечу и осветил свое лицо.

- *(Громко)*.Бывший студент Родион Романович Раскольников.

-Господи!- ужаснулась я.- Господи, что же вы над собой сделали!

Упала на постель, лицом в подушки. Потом схватила за обе руки. Глаза мои неподвижно смотрели на него.

-- Не верю вам, Родион Романович. Не могли вы это сделать.

--Я расскажу, расскажу. Как все было. Каждую минуту расскажу. Только тебе, Соня.

-Помню до единого слова его рассказ...От ворот моего дома до процентщицы, было 730 шагов, - так начал он.- Я шел и разговаривал с

собой. Шатаюсь, как пьяный. Зачем я иду?- спрашивал я себя. Неужели я способен на *это*?

Луч света падает на НИЩЕГО.

НИЩИЙ У каждого человека должно быть место, где его ждут.

А меня будто волчьей лапой волочет по улицам кто-то.

Мне идти тяжело, мне дышать тяжело. Отчего?

Оттого, что под городом дышат и дышат и дышат болота.

Сипло, как давний утопленник, смрадом гнилым,

Ночи и дни выдыхают миазмы – такая работа.

Грезы и сны превращаются в дым. Отчего?

Оттого, что под городом дышат и дышат и дышат болота.

Вечером ляжет на улицы серый обманный туман.

Сами собою откроются в полночь ворота.

Призраки выйдут и позовут за собой. Отчего?

Оттого, что под городом дышат и дышат и дышат болота.

Я ли за призраком, призрак за мной ли идет - не понять.

Поберегитесь, послушные граждане, это охота.

Все нам дозволено, все нипочем. Отчего? Отчего?

Оттого, что под городом дышат и дышат и дышат болота.

Пятьсот двадцать...Пятьсот девятнадцать...Я шел и считал шаги...Все ближе и ближе мой Рубикон... Я ведь решил, я должен сделать *это*. Под пальто на тесемке был подвешен у меня топор. Мешал идти, я то и дело его поправлял.

- Вы их ...обеих...этим, да? (*Замахивается воображаемым топором*).

Как коровушек на бойне?

Пауза.

-Да, Соня.

-Боже! Как вы могли!

-Не мучь меня, Соня.Я еще накануне сон видел. Вещий сон...Будто мне семь лет. Мы гуляем с отцом за городом. Вижу - кабак большой . А рядом церковь с зеленым куполом.

Тихий колокольный звон.

И так легко, так светло на душе. Вдруг вываливается толпа пьяная из кабака, все в телегу кидаются, мужики и бабы ,человек эдак двадцать, представляешь? Лошаденка хилая, ей «но,но!»,а она, бедняга, сдвинуться не может.

Тут хозяин лупить ее начал, а те, морды пьяные, хохочут: «Топором ее, Тимошка, топором!». Он и правда –хрясь ее обухом раз, другой...Она упала, бьется, бедная. И тут я, мальчишка, бросаюсь к ней, чтобы защитить ее, да уж поздно. Обхватил ее мокрую окровавленную морду, целую ее в глаза, в губы...Лошаденка еле дышит...А я плачу, захлебываюсь слезами.

-Потому что вы добрый, Родион Романович. Как же вы на убийство решились?

-Проснулся я, Соня, весь в поту и говорю себе: «Откажись, злодей, от своего умысла, отступись пока не поздно». А другой голос во мне: «Нет. Не вошь я какая-нибудь, не таракан. Будь что будет. Должен сделать *это*».

Снова бьют колокола.

Три топора в дворницкой стояло, я один украл. Пальто у меня широкое. Решил тесьму под левую мышку пришить, а за нее этот топор подвесить ... Иду, придерживаю рукой... Семьсот двадцать, считаю шаги.. Семьсот тридцать... Вот и ее дом. Лестница темная и узкая... Поднялся в пятый этаж. Стою перед ее квартирой и задыхаюсь. Не уйти ли?

Стук сердца

Сердце, как нарочно, стучит все сильнее и сильнее. Будь что будет. Я медленно протянул руку к колокольчику и дернул за шнурок.

Звук колокольчика.

Через полминуты еще раз позвонил, погромче.

Снова колокольчик.

Слышу, снимают запор. Дверь отворилась на крошечную щелочку.

Приоткрывается дверь.

Старуха стояла передо мной молча и вопросительно на меня глядела. Наверное, не припоминала .

-Раскольников, студент, был у вас назад тому месяц. (*Полупоклон*).

В глазах старухи мелькнула недоверчивость.

Я протиснулся в комнату. Старуха побежала за мной.

«Кто вы такой? Что вам угодно?»

- Помилуйте, Алена Ивановна... знакомый ваш... Раскольников... вот, заклад принес, что обещался наперед... И я протянул ей сверток.

Старуха взглянула было на него, но тотчас же уставилась глазами прямо мне в глаза. Смотрела внимательно, злобно и недоверчиво.

-Да что вы так смотрите, точно не узнали? Хотите берите, а нет -- я к другим пойду, мне недосуг.

Я и не думал это сказать, а так, само вдруг выговорилось. Она протянула руку.

«Что там у тебя такое?» -- спросила, но не разворачивала заклад.

- Серебряная папиросочница: ведь я говорил прошлый раз.

. «Да чтой -то ты такой бледный? Вот и руки дрожат! Искупался, что ль, батюшка?»

-Лихорадка, Алена Ивановна. Поневоле станешь бледный... коли есть нечего.

Стараясь развязать сверток, она отошла к окну и на несколько секунд стала ко мне спиной. Я расстегнул пальто и высвободил топор из петли, но еще не вынул совсем, а только придерживал правой рукой под одеждой. Руки всё более немели и деревенели. А вдруг выпущу и уроню топор... Голова как бы закружилась. Старуха пошевелилась в мою сторону.

Ни одного мига нельзя было терять более. Я выхватил топор, взмахнул обеими руками и почти без усилия, почти машинально, опустил на голову обухом...

-Боже, боже!

Соня в смятении ходит по сцене. Тревожный бой колоколов.

-Удар пришелся в самое темя. Она вскрикнула, но очень слабо, и вдруг вся осела к полу. В одной руке еще продолжала держать "заклад". Тут я изо всей силы ударил другой раз и третий. Кровь хлынула, Соня, как из опрокинутого стакана, и тело повалилось навзничь. Я отступил, дал упасть и тотчас же нагнулся к ее лицу; она была уже мертвая. Глаза были вытаращены, как будто хотели выпрыгнуть, а лоб и всё лицо были сморщены и искажены судорогой.

Я был в полном уме, головокружения уже не было, но руки всё еще дрожали. Я старался не запачкаться, но спешил ужасно. Схватился за ключи и начал возиться с ними.

Но как-то всё неудачно: не вкладывались они в замки. Не то чтобы руки так дрожали, но я всё ошибался: и вижу, например, что ключ не тот, не подходит, а всё сую его в скважину...

Полез под кровать, ведь там обычно стоят у старух любимые сундучки. Так и есть: в сундуке, обитом красным сафьяном, было много тряпья – заячья детская шубка, старое платье, шаль... Вдруг из-под шубки выскользнули золотые часы... Я бросился всё перевертывать. Действительно, между тряпьем были перемешаны золотые вещи, заклады людские: браслеты, цепочки, серьги, булавки и проч. Иные были в футлярах, другие просто обернуты в газетную бумагу. Я стал набивать ими карманы штанов и пальто.

Вдруг послышалось, что в комнате рядом ходят. Я остановился и притаился, как мертвый. Но всё было тихо, стало быть, померещилось. Вдруг явственно послышался легкий крик, или как будто кто-то тихо и отрывисто простонал и замолчал. Затем опять мертвая тишина, с минуту или с две. Я сидел на корточках у сундука и ждал, едва переводя дух, но вдруг вскочил, схватил топор и выбежал из спальни.

Среди комнаты стояла Лизавета, сестра процентщицы. Увидав меня, она задрожала как лист, мелкою дрожью, и по всему лицу ее побежали судороги; я бросился на нее с топором...

Освещается НИЩИЙ на паперти.

НИЩИЙ (поет).

Целовал ворон курочку
До последнего перышка.
А она ему, дурочка,
Пела песни про солнышко.

Даже думать не думала,
Даже верить не верила
В то, что жизнь ее юная
Черным когтем отмерена.

-Она подругою мне была...Славная, славная...Что же вы натворили,
Родион Романович?

- Послушай, Соня, дай облегчить душу ...Удар мой пришелся прямо по черепу, острием, и сразу прорубил всю верхнюю часть лба, почти до темени. Она так и рухнулась. Страх охватывал меня всё больше и больше, особенно после этого второго, совсем неожиданного убийства. Нужно было спешно давать ходу. В прихожей я увидел ведро, наполовину полное воды, и догадался вымыть себе руки и топор. Руки были в крови и липли. Топор я опустил лезвием прямо в воду, схватил лежавший на окошке кусочек мыла и стал, прямо в ведре, отмывать себе руки. Потом мокрой тряпкой оттер себе сапоги – на них тоже были пятна.

Ни минуты нельзя было оставаться здесь.Бежать!Немедленно!

Я приотворил дверь и сделал первый шаг на лестницу. Вдруг снизу послышались чьи-то шаги. Они были тяжелые, ровные, неспешные. Вот уже человек этот прошел первый этаж, вот поднялся еще; всё слышней и слышней! Послышалась его тяжелая одышка. Вот уж и третий этаж начался... Сюда! Он идет сюда! Я стоял не дыша. Незванный гость был тут же. Нас разделяли только двери.

Звонит колокольчик. Раз, другой.

Как только звякнул жестяной звук колокольчика, мне вдруг почудилось, что в комнате пошевелились. Неужели кто-то из убитых жив? Несколько секунд я прислушивался. Нет, нет, показалось...

Незнакомец вдруг, в нетерпении, изо всей силы стал дергать ручку у дверей. С тупым страхом я ждал, что вот-вот дверь откроется.

Но неизвестный ушел. Хлопнула парадная дверь, и я, не теряя ни секунды, тут же выскочил из квартиры.

Колокола.

И вот я в своей каморке. Набросил крючок на дверь, сердце билось как бешеное. Я стал себя оглядывать, всего, с ног до головы, всё свое платье: нет

ли следов? Стал снимать с себя одежду, перевертел всё, до последней нитки и лоскутка, и, не доверяя себе, повторил осмотр раза три. На бахромке штанов моих оставались густые следы запекшейся крови. Я схватил ножницы и отрезал этот кусок. Больше, кажется, ничего не было... Вдруг вспомнил, что кошелек и вещи, которые я вытащил у старухи из сундука, до сих пор лежат по карманам!

Конечно, я не рассчитывал на вещи. Думал, будут одни только деньги, а потому и не приготовил заранее места, но теперь-то что? Спрятать в стене? А если обыск? Подлинно, разум меня оставлял! Я вышел из дома! Серьги, цепочки, золотые часы, браслеты наполняли мои карманы. Я ходил по улицам, думая, как дальше жить со всем этим... Куда все это девать? ... А если в Неву? И концы в воду. И тут же утопиться? А?

Я шел скоро и все время оборачивался. А вдруг уже за мной погоня? (*Оборачивается*). Вдруг идут следом? (*Опасливо смотрит по сторонам*). Успеть бы до времени схоронить концы. Но выбросить оказалось очень трудно. А ну как футляры не утонут, а поплывут? На Вознесенском проспекте попал я во двор, где увидел большой неотесанный камень. Я нагнулся к нему, схватился за верхушку и перевернул. Под камнем образовалось небольшое углубление; тотчас же я сбросил в него всё из кармана. Затем снова перевернул камень в свое прежнее место. Ничего не было заметно. И кому в голову может прийти искать под этим камнем? А хоть бы и нашли: кто на меня подумает? Всё, конечно! Нет улик! И я засмеялся. И всё смеялся, всё время, как шел домой. (*Смеется*).

-О боже, как это всё отвратительно! Как вы могли смеяться? Никого нет несчастнее вас в целом свете.

Свет снова падает на НИЩЕГО. Он поет

НИЩИЙ. Случалось ли вам убивать человека
И видеть, как кровь затекает за веко?
Как руки поникли, как дернулись ноги-
Им больше уже не бежать по дороге.
Случалось ли вам убивать человека...

Отброшен топор – и сделано дело.
Но вот почему же душа заболела?
Остались на мне те кровавые пятна,
Нет ходу обратно, нет ходу обратно.
Отброшен топор и сделано дело...

О Боже, стрелять в меня надо, как в зверя.
Не верю я волчьему сердцу, не верю,
Оно не заплачет над раненой птицей,
Убийцей теперь оно стало, убийцей!
О Боже, стрелять в меня надо, как в зверя.

*Возвращается обычный свет. Авансцена справа.
СОНЯ в наброшенной на плечи пелеринке сидит на садовой скамейке.*

СОНЯ. Через несколько дней мы встретились с ним на нашей скамейке. В руках у него была газета. Читай, что пишут о нашем дельце,- сказал он и развернул газету.

В руках ее газета.

Кухарка утопилась, сторож повесился... Пожар на Лиговке....

-Да ты не то читаешь. Вот, «Грабежи и разбой».

-Третьего дня... в доме номер девять... произошло злодейское убийство с ограблением ... Среди бела дня... Убийца чудом спасся...Но вот загадка - деньги ,больше тысячи, не тронуты остались...

-Слышишь, Соня, больше тысячи! Идиот... Читай дальше. Убийца взял только закладные предметы... Часы, колечки... Следствие по делу возглавляет пристав следственных дел Порфирий Петрович Знаменский. Подозрение падает на маляра, который работал в соседней квартире, Николая Рыжикова. У него обнаружены серьги...которые он якобы нашел на лестнице...Это я их обронил, Соня. Я...

-Теперь невинный вместо вас на каторгу пойдет .

-Что ты говоришь, Соня? Меня в Сибирь толкаешь? Может, сама и донос сделаешь? В газетенке сей указано кому. Господин Знаменский Порфирий Петрович..Эх, Соня, вижу, зря я тебе открылся.

-А тебе Николку-маляра не жаль?

-Для великого дела – нет! Не жаль! Ведь я рассуждал так...С одной стороны, глупая, бессмысленная, ничтожная, злая, больная старушонка, никому не нужная и, напротив, всем вредная, которая сама не знает, для чего живет, и которая завтра же сама собой умрет. С другой стороны, сто, тысячу добрых дел и начинаний, которые можно устроить и поправить на старухины деньги. Разве не загладится, говорил себе я, одно крошечное преступление... да нет же –*преступленьце или два или три...* тысячами добрых дел? Три смерти и сто жизней взамен -- да ведь тут простая арифметика! И что значит на общих весах жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки? Не более как жизнь вши или таракана.

-Не могу я ваших слов слышать, Родион Романович. Зря вы меня тогда спасли.

Он помолчал и сказал. А знаешь, как это было. В тот день, Соня, я шел по бульвару. Был уже поздний вечер. Вдруг вижу - навстречу мне идет девица, размалеванная, простоволосая, как-то смешно размахивая руками. Платье ее было разорвано. Она шла нетвердо, спотыкаясь и даже шатаясь во все стороны. Повалилась на скамейку. На эту...

-Я пьяная была, Родион Романович. Купчики молоденькие подпоили меня ...в номерах. Потешались. Спасибо вам, что отбили у них. Что вы подумали

тогда обо мне? Правду скажите, не скрывайте. Знаете, как называют таких как я? Барышня с Невского. У меня и желтый билет имеется.

Под светом фонаря НИЩИЙ. Поет.

НИЩИЙ Маленькая девочка Соня Мармеладова...

Платьице оборвано, а все равно к лицу.
Каждую копеечку за работу адову
Отдаешь ты, бедная, на пропой отцу.

Уличная девочка Соня Мармеладова...
Куколка-улада для ночных парней.
Все лицо измазано слезами и помадою,
Но небесным ангелом ты пришла ко мне.

Без гроша в кармане я, Соня Мармеладова.
Гроб – моя квартирка, в дырках сапоги.
Я не знаю, Соня, чем тебя порадовать-
От студента нищего поскорей беги!

Да, мы оба прокляты, Соня Мармеладова.
Ангелы на улицах любовь не продают.
А студентам, вроде бы, топоров не надобно,
Топоры их только на каторгу ведут.

Ты спрашиваешь, Соня, о чем я тогда подумал? Бедная барышня, горемыка несчастная. Что ждет ее в жизни? Больница, вино... кабаки... Снова больница... года через два-три -- калека, итого житья два десятка лет, не более. А будь у меня капиталец, не было бы этого безобразия на белом свете.

-Выходит, ради меня на убийство покусились?

-Нет, Соня, нет...

-Может, вы...Может, ты голоден был, Родион?
Качает головой.

-Чтобы матери помочь, да?

Молчит.

-Ну для чего ты все таки это сделал? Скажи, я пойму. Я все пойму. А тебе полегче станет.

- Не станет, Соня.

-И я думаю ,не станет, коль другой, безвинный за вас... за тебя в ответе будет.

Перемена света. НИЩИЙ с гармошкой.

НИЩИЙ.

Тычут пальцами людишки в грудь Миколки-маляра:
«Мол, старушку – ростовщицу уколошил ты вчера».
Суть да дело, суд неправый, и невинного - в острог!
А на мне тот след кровавый,
А на мне тот след кровавый,
А на мне тот след кровавый-
Это знает только Бог!

Мазать стены под обои, красить охрой потолки
Не придется больше парню, обе скованы руки.
Что ж я сделал, окаянный, что я, нехристь, натворил:
Я чужую душу, люди,
Я чужую душу, люди,
Я чужую душу, люди,
В одночасье загубил.

3.

Затемнение. Освещена дверь. Входит СОНЯ. Она в пальто.

-Назавтра я пришла к нему .Он не ожидал.

-Зачем ты пришла, Соня,- сказал он, - Нам надо расстаться.

-Нет, нет, никогда и нигде...За вами...за тобой пойду. Вместе, вместе...
Он не слушал, отстранял меня. – Лучше забудь меня, Соня.

-Ни за что! Ты в каторгу и я с тобой..

-В каторгу? С чего это ты взяла?

-А что же, другой за тебя пойдет, да?

-Соня, господи, не мучь меня! Коль он не виновен, отпустят его. И на меня доказательств у них нет. Я ведь ничего не тронул. Все эти запонки да цепочки ...все эти вещи и кошелек...на чужом дворе ...на Вознесенском проспекте, под камнем.

-Ограбить ограбили, а сами ничего не взяли. Смех да грех.

-Зачем я тебе сказал, зачем тебе открылся. Ничего ведь ты не поймешь в этом, а только исстрадаешься вся из-за меня.

-Нет, Родя, это хорошо, что открылся. Это лучше, чтоб я знала. Говори же. Для чего все это было надобно?

-Поймешь разве? Ну, хорошо, послушай! Я задал себе один раз такой вопрос: что если бы, например, на моем месте случился Наполеон и не было бы у него, чтобы карьеру начать...денег.

-Ты лучше говори мне прямо... без примеров.

- Ты опять права, Соня. Это всё ведь вздор, почти одна болтовня!
Понимаешь, у матери моей нищая пенсия. Сестра должна за богатенького идти, не по любви... Все их надежды были на одного меня. Я учился, но содержать себя в университете не мог и на время принужден был выйти. Лет через десять, через двенадцать я мог надеяться стать каким-нибудь учителем или чиновником, с тысячью рублями жалованья... А к тому времени мать высохла бы от забот и от горя, а с сестрой могло бы еще и хуже случиться!.. Ну... ну, вот я и решил, завладев старухинными деньгами, употребить их на учебу, на первые шаги после университета. Вот и всё... Разумеется, что я убил старуху, -- это я худо сделал... ну, и довольно! Я ведь только вошь убил, Соня, бесполезную, гадкую, зловредную.

-Это человек-то вошь!

-- Да ведь и я знаю, что не вошь, -- ответил он.- Совсем, совсем тут другие причины!.. Не для того, чтобы матери помочь, я убил -- вздор! Не для того я убил, чтобы, получив средства и власть, сделаться благодетелем человечества. Вздор! Я просто убил; для себя убил, для себя одного. И не деньги нужны мне были, Соня, Я это всё теперь знаю... Мне другое надо было узнать, другое толкало меня под руки: мне надо было узнать тогда, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или *право* имею...

-Убивать? Убивать-то кто право имеет?

Разве я старушонку убил? Я себя убил. Себя! И навеки!.... Довольно, Соня, довольно! Скажи лучше, что теперь делать.

-Что делать?

СОНЯ ходит по комнате, глаза полны слез.

-- Встань!

Я схватила его за плечо. Поди сейчас, сию же минуту, стань на перекрестке, поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету, на все четыре стороны, и скажи всем, вслух: "Я убил!" Тогда Бог опять тебе жизни пошлет. Пойдешь? Пойдешь? Я вся дрожала, точно в припадке, держала его за обе руки.

---Донести, что ль, на себя надо?

- Страдание принять и искупить себя им, вот что надо.

-- Нет! Не пойду я к ним, Соня.

-А жить-то, жить-то как будешь? Жить-то с чем будешь? -- Ну как ты с матерью будешь говорить? Да что я! Ведь ты уж бросил мать и сестру. Что с тобой теперь будет!

- Пусть ищейки сами ищут меня, Соня. На то они ищейки. Что я скажу: что убил, а денег взять не посмел, под камень спрятал? Так ведь они же надо мной сами смеяться будут, скажут: дурак, что не взял. Трус и дурак! Ничего, ничего не поймут они, Соня, и недостойны понять, ради чего я... Не пойду. Пусть ищут сами. А я не дамся им. Не дамся!

Снова вдали послышались колокола.

Прошло несколько минут. Мы сидели молча.

-Есть на тебе крест? -спросила я. - Нет, ведь нет? На, возьми вот этот, кипарисный, Лизаветин. Мы с ней крестами поменялись. Выходит, ты ее с моим крестом... убил... О, Господи прости... Возьми мой! Возьми! ---- Вместе ведь страдать пойдем, вместе и крест понесем!

Он долго молчал. Сказал тихо:

-- Не теперь, Соня. Лучше потом. Пусть он у тебя будет.

Я согласилась. —

-Ты прав, Родя. Как пойдешь на страдание, тогда и наденешь.

Помню, после приговора, на последнем свидании, он мне сказал: «Я жить хочу, Соня. Просто жить. Где-то я читал, как один приговоренный к смерти, за час до смерти, говорит или думает, что если бы пришлось ему жить где-нибудь на высоте, на скале, и на такой узенькой площадке, чтобы только две ноги можно было поставить, а кругом будут пропасти, океан, вечный мрак, вечное уединение и вечная буря, и оставаться так, стоя на аршине пространства, всю жизнь, тысячу лет, вечность,-- то лучше так жить, чем сейчас умирать! Только бы жить, жить и жить! Как бы ни жить -- только жить!.. Экая правда! Господи, какая правда! Подлец человек! И подлец тот, кто его за это подлецом называет. Так шел я от тебя, Сонечка, и думу свою думал. Шел по самой середине моста, где ездят экипажи, а люди не ходят. Иду, ничего кругом не вижу. Только шарманку слышу, где-то вблизи.

Освещается НИЩИЙ с гармошкой.

НИЩИЙ. Я люблю твои песни, шарманка,
Слушать в вечер холодный, сырой.
У прохожих зеленые лица,
И на плечи их падает снег.

Люди, станьте к шарманцику ближе,
Где блистают сквозь газ фонари.
Снег сегодня – послание Неба,
И об этом шарманка поет.

Я как замороженный ,иду туда, где шарманка, и ничего вокруг не вижу.А тут коляска с рысаками... Кучер крикнул и изо всех сил хлестнул меня кнутом. Не топором, заметь - кнутом! По плечу. Я аж присел,скорчился от боли. Кругом, разумеется, раздался смех. «Пьянчуга! Нарочно лезет под колеса, а ты за него отвечай».

*НИЩИЙ снимает очки, встает.
Колокольный настораживающий звон.*

НИЩИЙ. И вдруг, Соня, чувствую, кто-то сует мне в руки деньги. Пожилая купчиха, а с нею девушка, вероятно дочь. "Прими, батюшка, ради Христа". (Кричит).И я взял, Соня, взял, взял! И поклонился низко. За двугривенный. А что же... По платью и по виду я самый что ни на есть нищий, уличный собиратель грошей. Двугривенный – вот тебе цена, Наполеон, Магомет, Ликург, Ньютон и прочие гении человечества. (Хохочет). Нищее ничтожество, вот кто ты на самом деле! Вошь! Ничтожная вошь.

Я шел и хохотал! Прохожие оборачивались, думая, что я сумасшедший. А я и был в безумии. Я хохотал и кричал: «Я старуху убил! И сестру ее Лизавету!! Я, я!»

Свет с него снимается, а хохот все еще слышен.

СОНЯ. Но когда он дошел до полицейской конторы, чтобы сдать, колени его дрожали. Он с трудом заставил себя взойти на этаж, вошел в комнату и оперся о край стола, чтобы не упасть. И тут же увидел острые глазки, направленные на него. На лице следователя была улыбочка. Он поспешил к Родиону, любезно подставил стул. И поклонился.

Порфирий Петрович Знаменский, пристав следственной части, к вашим услугам.

Родя выдержал его взгляд.

-В газете написано было, - сказал он как можно спокойнее, - о маляре Николае Рыжикове. Будто он...

Но следователь не дал ему договорить.

-Вчера написано было одно, а сегодня уже другое. Не он, батюшка, оказывается, виновен. Не он старушку убил. Дознались мы.

-А кто? -спросил Родион чуть дыша.

-А тот, кто убил да за честного человека себя почитает, людей презирает, бледным ангелом ходит...Нет, уж какой тут Николка, голубчик. О другом речь идет.

. -Так... кто же.... убил?

-Как кто убил?.. да вы убили, Родион Романыч! Вы и убили-с... И вы это знаете. Для чего, скажите, вы ко мне сейчас пришли? Повидаться со мной или признание сделать? Ведь за явку с повинной сбавка будет для вас в приговоре. Все вы знаете. И вот на тебе - опять засумлевались! Отчего же так? Ох, загадочная русская душа! То одно на уме, то другое. Даю вам шанс, голубчик. Выйдите в коридор, походите, подумайте, а я подожду. И бумаги для подписи вашей изготовлю. Хорошенько подумайте.

Освещается НИЩИЙ. Поет.

НИЩИЙ.

Русская душа – до чего ж загадочна!
То она возвышенна, то она припадочна!
То играет, бестия, молодецкой силою,
То дитем уплачется над чужой могилою.

Русская душа - ближнему подмога,
Но обдурит ближнего, позабыв про Бога.
Русская душа -два рожка у месяца,
Хошь танцуй, мужик, хошь ступай повеситься.

Русская душа- -доля сиротливая.
Ходит без гроша, а сама счастливая.
Рая не находит, ищущая странница.
По судьбе ей только сущий ад достанется!

Русская душа – эх, ломать – не строить.
Ради ломтя ситного нас не беспокоить!
Все вокруг жалеючи и все окрест круша,
Только неба просит русская душа.

4.

Соня в простом сером платье. Сидит за столом, пишет..

-Многоуважаемая Пульхерия Александровна! Пишет Вам неизвестная Вам девица Мармеладова София Семеновна. Живу я поблизости острога, в коем определено пребывание сыну вашему Раскольникову Родиону Романовичу. Не имея дозволения от него самого, осмеливаюсь все же сообщить Вам как родной его матушке, как обстоят дела его в заточении.

Начну с самого начала. Суд по делу его прошел без больших затруднений. Родя твердо, точно и ясно поддерживал свое показание, не запутывая обстоятельств, не смягчая их в свою пользу и не искажал фактов.

Следователи и судьи очень удивлялись, между прочим, тому, что он спрятал кошелек и вещи под камень, не воспользовавшись ими, а пуще всего тому, что он не только не помнил в подробности всех вещей, собственно им похищенных, но даже в числе их ошибся.

Всё это сильно способствовало заключению, что Родион Романович не совсем похож на обыкновенного убийцу, разбойника и грабителя, но что тут что-то другое. Удивило именно то, что преступник не только не хотел оправдываться, но даже как бы изъявлял желание сам еще более обвинить себя. Болезненное и бедственное состояние его до совершения преступления не подвергалось ни малейшему сомнению. То, что он не воспользовался ограбленным, зачтено частью за действие пробудившегося раскаяния, частью за несовершенно здоровое состояние умственных способностей во время совершения преступления. Наконец, явка с повинною сильно расположила судей в его пользу. Приговор был милостивее, чем ожидалось – восемь лет каторжных работ. Когда отправили партию арестантов, за ними поехала и я. Остаюсь неведомая Вам душа София Мармеладова.

*Бьют колокола. Перемена света.
В руках у СОНИ конверты. Она вынимает письма и читает одно из них..*

Многоуважаемая и сердобольная София Семеновна! Ваше письмо не застало в живых нашу бедную мамочку Пульхерию Александровну. Господь забрал к себе эту святую женщину сразу же после ареста брата моего Родиона. Пишите мне, его сестре, Авдотье Романовне, обо всем касающемся моего брата, за что я буду Вам премного благодарна.

Уважающая Вас Авдотья Раскольникова.

Соня снова за столом. Пишет

Многоуважаемая Авдотья Романовна! Дни наши текут, как воды в широкой реке Иртыш, на берегу которого стоит острог. Прошел уже целый год, как мы здесь. Видимся мы с Родей не часто, по праздникам у острожных ворот или в кордегардии, куда его вызывают ко мне на несколько минут; по будням же на работах, куда я захожу к нему, или в мастерских, или на кирпичных заводах, или в сараях на берегу Иртыша. Недавно он заболел и лежал в арестантской палате, куда пустили к нему и меня.

Ваш брат совсем не такой, как другие арестанты. Его не любят и избегают все. Презирают даже и смеются над его преступлением те, которые гораздо его преступнее.

-- Ты барин! -- говорят ему. -- Тебе ли было с топором ходить; не барское вовсе дело.

Не понять им его благородную и высокую душу.

Колокола.

На второй неделе великого поста он ходил в церковь молиться вместе с другими. Из-за чего, он и сам не знал того, -- произошла ссора; все разом напали на него с остервенением.

-- Ты безбожник! Ты в бога не веруешь! -- кричали ему. -- Убить тебя надо.

Он молчал и не возражал им. Один каторжный бросился было на него в решительном исступлении; Родя ожидал его спокойно и молча: бровь его не шевельнулась, ни одна черта его лица не дрогнула. Конвойный успел вовремя стать между ним и убийцей -- не то пролилась бы кровь.

В остроге он узнал от арестантов, что я заболела, лежу дома и никуда не выхожу.. Он посылал обо мне справляться. Я написала ему записку, где уведомила, что уже гораздо легче, что у меня пустая, легкая простуда и что скоро, очень скоро, приду повидаться с ним на работу. На берег Иртыша.

День был ясный и теплый. Ранним утром, часов в шесть, Родю отправили на работу, на берег реки, где в сарае устроена была обжигательная печь для алебаstra. Один из арестантов взял конвойного и пошел с ним в крепость за каким-то инструментом; другой стал заготавливать дрова. Родион вышел из сарая на самый берег, сел на складенные у сарая бревна и стал глядеть на широкую и пустынную реку. С дальнего другого берега чуть слышно доносилась песня.

Музыка.

Я люблю твои песни, шарманка,
Слушать в вечер холодный, сырой.
У прохожих зеленые лица,
И на плечи их падает снег.

Люди, станьте к шарманщику ближе,
Где блистают сквозь газ фонари.
Снег сегодня – послание Неба,
И об этом шарманка поет.

Я подошла едва слышно и села с ним рядом. Было очень рано,
утренний холодок еще не смягчился. Я приветливо и радостно
улыбнулась ему и робко протянула свою руку.
Он взял ее и осторожно прижал к груди.
-Слышишь песню, Соня? Там свобода, там жизнь.
-Скоро и мы с тобой там будем, Родя. На том берегу.
Он усмехнулся. Когда скоро? Еще целых семь лет.
Да разве это много? Давай считать. Загибай пальцы, Родя. Раз, два,
три, четыре, пять, шесть, семь...Время знаешь, как быстро бежит. Всего семь
лет осталось, семь лет...

Громко, на все лады, бьют, заливаются, ликуют колокола.

К О Н Е Ц